

НА БЫЛА приятельницей Ирины Щеголевой, обретенной на костюмированном вечере у Толстых. Она пле-

Рина была добра. И к своим, и к чужим. «Своих» у нее было множество. Вся родня. И всем она помогала. Всегда. Всю жизнь.

В быту она была до крайности беспомощна. Если бы ей пришлось сварить манную кашу, она не сумела бы. Она просто говорила жалобным голосом: «Меня пора кормить».

После войны и особенно после того, как я переехала в Москву, мы с ней сблизились. Она оценила что-то во мне. Я в ней. И хотя актерские амбиции жили в ней до самого конца, все больше обозначался ее природный ум, пытливый интерес ко всему вокруг происходящему.

Мы с ней много говорили о религии. Мы обе верующие, но я не церковница. Она же хотела иметь духовника, такого духовного наставника, которому она могла бы открыть душу и который помог бы ей преодолеть личные драмы, — а они были. Но она тоже не была церковницей. Золотое, театральное великолепие православной церкви, ее иерархия мне казались всегда чуждыми учению самого неимущего из всех неимущих — Иисуса Христа. В церкви, которая создана для того, чтобы сосредоточить людей в молитве, все отвлекает от нее. И зачем столько живописи? Ведь ее надо рассматривать! Множество людей, давка. А с Богом хочется быть наедине. Рина соглашалась со мной. Она знала много молитв, больше, чем я, но нам обоим казалось, что лучше обращаться к Богу своими словами. Риночка говорила мне, что придумала молитву, — и тут не без юмора: «Господи, помоги мне материально». И улыбалась.

Когда она состарилась, стала совсем слабой и нуждалась в повседневном уходе, она сказала: «Единственно, чем я могу помочь своим родным, — это не быть дома». И она перебралась на житье в прекрасно устроенный дом престарелых киноработников. Там она и пробыла до конца жизни.

Публикацию подготовила
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Объяв. раз. - 1995 - 6 марш. - с 16.